

Шамба Балинов

Чем было Казачество

Изд. ред. журн.
„Вольное Казачество“ — „Вільне Козацтво“.
Прага. 1931.

138759

Отдельный оттиск статей из номеров 82—87
журнала „Вольное Казачество—Вільне Козацтво“

ЧЕМ БЫЛО КАЗАЧЕСТВО*).

1. О происхождении Казачества.

Делая настоящее сообщение, я совершенно не собираюсь хватать звезд с неба, открывать Америку и сообщать вам что-то новое, лично мною открытое. Я всего лишь собираюсь доложить вам то, что открыто и доказывается другими, казачьими историками, передаю многое их же собственными словами.

Делаю это по следующим соображениям: во-первых, не все читали научные труды казаков о Казачестве, а во-вторых, содержание этих трудов, переданное живыми словами, освобожденное от необходимых в научных трудах деталей и доказательств, скорее может запечатлеться в памяти, легче воспринимается и дает пищу казакам для размышления над собственной своей судьбой.

Начнем с вопроса о происхождении казаков, вопроса как будто простого и для противников казаков и для самих казаков: для первых потому, что для них „ясно“, что никаких предков у казаков, кроме великоруссов, не было, а для казаков ясного потому, что для них также нет никакого сомнения, что они произошли не от великоруссов.

Существуют два основных взгляда на происхождение Казачества, две теории, взаимно друг друга исключают.

*) Доклад, прочитанный автором 10 мая 1931 г. в „Обществе ревнителей Казачества“ в Париже.

Первая, официальная русская историческая теория, утвердившаяся примерно в половине XIX ст. и ставшая затем „истиной“, всякое посягательство на которую, в смысле критического подхода к ней, стало почитаться „крамолой“ или „дикой ересью“. Эта „теория“ просто без всякого доказательства, устанавливает, что казаки — русские люди, бежавшие по разным социально-экономическим и политическим причинам из Московского царства и образовавшие на Дону военную общину, Войско. При чем, время такого бегства великорусских крестьян и образование ими на Дону Донского Войска эти русские историки относят к половине XVI ст. До этого времени, по их мнению, современные казачьи территории пустовали.

Для этих русских „теоретиков“ не существуют такие, казалось бы, естественные вопросы:

1) как мог великорусский крестьянин, никогда свободы и воли не знавший, перебравшись на Дон, где было пусто, моментально превратиться в вольного степного рыцаря;

2) как мог тот же крестьянин, по природным условиям лесной полосы обладавший весьма сомнительными военными качествами, перебежав на Дон, сразу превратиться в бесстрашного воина, лихого конника, способного легко и свободно состязаться с прирожденными воинами — разными степными народами, бесперерывно чередуясь, властвовавшими на Востоке Европы;

3) как могли эти беглые крестьяне-рабы, никогда никакой общественно-организованной жизни не знавшие, перебравшись на „Дикое Поле“, в течение короткого времени создать стройную и прекрасную военную систему, создать такую организованную военную силу, которая становится грозой соседних татарских царств, потрясает владения могущественной в то время Турецкой империи, часто не дает спать и Московии.

„Можно ли допустить, чтобы русский крестьянин какой-нибудь Рязанской губернии сделался казаконником, как только появился в степь и получил коня;

чтобы из него, никогда не видавшего моря, вдруг получился отважный морской боец, какими нам рисует казаков история. Наивно было бы это утверждать: слишком велика дистанция между качественными данными казака и русского крестьянина“... — пишет Степнев.

Эту огромную разность „качественных данных“ между казаками и русскими (великоруссами) видят и беспристрастные иностранцы, которые русских крестьян характеризуют не иначе, как „рабами грубыми и плутоватыми“, а казаков, как „сознательных граждан, свободных и полных чувства собственного достоинства“.

А „наличие высоких гражданских и духовных, рыцарских качеств может развиваться только у веками свободного, самостоятельной жизнью живущего, никогда рабства не знавшего народа... Из векового раба не сотворишь рыцаря, как из тамбовской сивки не сделаешь донского скакуна... Создание казачьего рыцарства из рабского русского крестьянства психологически было невозможно. Но оно невозможно было и по причинам историческим... Только русские историки, заигнотизированные идеей российского великодержавия и централизма, могут закрывать глаза на действительность во имя соображений политического характера“... (Степнев).

О том, что казаки представляли из себя прекрасно организованную военную силу и являлись мощным фактором политической и военной жизни на Востоке Европы еще в половине XVI ст., т. е., как раз тогда, когда по мнению русских, на пустое место — „Дикое Поле“ — только что начали сбегаться русские крестьяне, единодушно свидетельствуют иностранные историки.

В частности, письмо турецкого султана к ногайскому князю гласит: ... „Поле де все и реки у меня поотнимал, да и Дон от меня отнял, да и Азов-город упуст у меня доспел, поотнимал всю волю в Азове, казаки ево с Азова оброк емлют и воды у Дона пить не дают. А Крымскому царю... какую-де срамоту ка-

заки ево учинили, пришед Перекоп воевали, да ево же казаки Астрахань взяли... Да царя же Ивана казаки у вас Волге оба берега отняли... Да ты же бы, Самуил Мирза, пособил моему городу Азову от царя Ивана казаков“...

В одном этом историческом документе сказано чрезвычайно много: очерчена территория, на которой господствовали казаки: Перекоп, Азов, Дон, с которого воду „пить не дают“, Астрахань, Волга, которой „оба берега отняли казаки“; определена организованная казачья военная сила, с которой считался могущественный тогда турецкий султан. Этот же документ убедительно опровергает русскую историческую „теорию“, согласно которой казаки на Дону появились только в половине XVI века и только, как русские историки утверждают, к 1549 г. организовались, и свидетельствует о более древнем казачьем происхождении, о долгой их организованной жизни на Дону, ибо „для того, чтобы сделаться таким мощным международным фактором, каким рисует Донское Казачество вышеприведенное письмо Турецкого Султана от 1551 г., нужен был длительный исторический период, нужна была не только сырая человеческая масса, — необходимо было особое духовное содержание, вековая выработка особой государственной организации, особый быт, навыки“... (Степнев).

Невозможность происхождения свободных, вольных казаков, степных рыцарей, природных конников, бесстрашных воинов, искусных моряков, сознательных граждан с подлинным демократическим укладом общественно-государственной жизни от беглых русских крестьян-рабов само по себе понятно, а также легко отвергается теми историческими военно-политическими событиями, какие в то время происходили на Востоке Европы, где никакое человеческое общество — без должного, веками продолжавшегося приспособления к условиям ратной степной жизни, без веками закалявшегося суровой борьбой особого духа, железной воли, без твердой, испытания вековой истории выдержавшей

старой и крепкой формой общественной жизни, — не могло устоять и удержаться.

Между тем эта простая истина до самого последнего времени считалась запретным плодом, находилась под семью замками и прикосновение к ней почиталось государственным преступлением в России. На место этой очевидной истины была поставлена „теория“, выдуманная и выдвинутая русскими историками в половине XIX ст., в силу каковой „теории“ казаки в прошлом — беглые крестьяне, „воровские шайки“.

По утверждению казачьего историка Быкадорова, эти русские историки в доказательство своей „теории“ „не приводят никаких, ни прямых, ни косвенных исторических документов“. Мало того, по утверждению того же историка, для русских „теоретиков“ является счастьем, „что не сохранилось исторических документов государств, существовавших в степной полосе — Хозарской империи, Тмутараканского княжества, Золотой Орды (столица ее г. Сарай), Крымского и Астраханского царств и турецкой крепости Азова: архивы, имевшиеся в них, погибли“. Такое же счастье для них, что „архив „главного Войска“, т. е. столицы Донского Войска, г. Черкаска, был уничтожен в 1643 г., во время занятия и уничтожения турками всего города. Окончательно этот Донской архив погиб со всеми регалиями и реликвиями во время пожара Черкаска в 1794 г., когда сгорело $\frac{2}{10}$ города“... (Быкадоров).

Не располагая документами этих погибших архивов, где несомненно имелись богатейшие материалы по истории происхождения казаков, не попытавшись проникнуть в архивы Константинополя и городов Анатолии, где несомненно еще хранятся документы исключительной ценности для освещения истории Казачества, — русские историки „интуитивным“ путем, в спешном порядке создали „теорию“ о казачьем происхождении в то время, когда русский монарх мог приказывать отменить правду, когда великодержавное сознание рус-

ских историков легко могло их направить навстречу монаршему желанию.

Правда, отдельные русские историки, как, например, Устрялов, совершенно справедливо признаются, что для создания подобной „теории“ не имеется достаточных данных, и который говорит, что „не имея в общем никаких средств объяснить рядом событий, когда и как образовалось на Дону Казачество, знаем только достоверно, что оно становится особенно заметным в начале XVI века, что главным центром его был городок Раздоры, в устье Сев. Донца“. Этот русский историк, вопреки официальной русской исторической „теории“, мужественно признается, что „мы, русские историки, не знаем — откуда и как произошло Казачество“.

Но, несмотря на все это, русская официальная „теория“, созданная во времена, когда по словам русского историка, „идеализация Руси и легендарного русского героизма, превращавшая в народном сознании реальных удельновечных князьков... в общерусских богатырей“ могла особенно не считаться с правдой, вот эта „теория“ стала „классической“, со школьной скамьи вколачивалась в головы всех и вся, и русских, и казаков, сделалась „ходячей истиной“, которую основательно усвоили и некоторые казаки.

Почему же эта „теория“ была выдвинута и для чего она так упорно внушалась всем и каждому?

На это казачьи историки отвечают: была „выдвинута она с политической целью — разрушить идею происхождения Казачества из местных донских народов, живших здесь до татарского нашествия и, таким образом, выбить историческое оружие из рук казаков в их борьбе за самобытность начал в устройстве своей жизни. В централизаторских российских интересах необходимо было доказать, что Донское Казачество составилось из беглых русских крестьян и преступников. Такая постановка вопроса морально оправдывала те политические

приемы, которые употребляло русское правительство в целях подведения казаков под условия российского крестьянства“. (Степнев).

Так подвергают молодые казачьи историки основательной критике русскую „теорию“ о происхождении Казачества, на основании исторических исследований доказывают ее несостоятельность.

Отвергнув русскую „теорию“, казачьи историки на ее место выдвигают свою стройную, логически-последовательную, исторической действительности соответствующую систему, свою историческими документами обосновываемую теорию происхождения казаков. Согласно этой казачьей теории — казаки особое славянское племя, отдельный народный организм, имеющий такое же право, как великоруссы и украинцы, считать себя особым славянским народом. Предки казаков являются коренными обитателями Востока Европы, т. е. современных Казачьих Земель, — утверждают казачьи историки.

Восток Европы географически разделяется на две полосы: лесную и степную (еще на севере тундровая полоса, на юге — горная). И вот, коренными обитателями одного определенного участка этой последней (степной) полосы на Востоке Европы с давних времен являлись казачьи предки. Сведения об этих последних восходят в далекое историческое прошлое, когда еще не существовало никакого Московского царства, выходцами откуда, якобы, по мнению русских, являются казаки. Еще во II ст., когда на Востоке Европы устанавливают свое владычество Готы, на Черноморско-Азовском побережье живут славянские народы — Анты. В первой половине VI ст. эти славяно-антские племена уже владели бассейном Дона и продвинулись к берегам Азовского моря.

С начала VII ст. на территории современных Казачьих Земель создается государство Аваро-Гуннов, в состав которого входят славяно-анты. С этого вре-

мени исторические документы перестают говорить о славяно-антах, ибо их племенное название для иностранцев покрылось государственно-политическим названием — Аваро-Гуннов, как в наше время так покрылись названия многих народов, входивших в состав России, названием „русский“, или, например, имена отдельных Кавказских народов покрылись общим „собирательным“ именем „горцы“.

С половины же VII ст. (642) иностранные ученые точно устанавливают существование славянской народности — русов в степной полосе. В то время на этой территории (в низовьях Волги и на Дону), на место гуннов, создается новыми степными завоевателями государство Хозаров и в составе этого государства, как раз на той же самой территории, на которой недавно жили славяно-анты, живет славянское племя Русов; живут на Дону, Донце, Нижней Волге, на Тереке, на Кубани.

Во время существования Хозарской Империи эти русы были настолько многочисленны, что арабские писатели называют государство Хозаров Русо-Хозарским, а Черное море — Русским. Главными центрами этих Русов были: в Подоньи (Казакия) г. Руссия (Артана, Танаис, впоследствии переименованный в Азов, по имени половецкого хана Азуфа) и Матарха (Тмутаракань) в устьи Кубани. Эти Русы отличались воинственным духом, принимали широкое участие в торговой деятельности Хозарского государства; достигли значительного культурного развития, подвергаясь воздействию двух культур: арабской и византийской.

Арабский географ Масуди, посетивший в X веке Приазовский Край, пишет: „между большими и известными реками, впадающими в море Понтус (Черное), находится одна, называемая Танаис (Дон), которая приходит с севера. Берега ее обитаемы многочисленным народом славянским и другими народами“ . . .

Или в житии Св. Георгия (около 842 г.) говорится,

что „погибельный делами и именем народ Русь опустошил берега Черного моря от Протондиты до Синопа“ . . .

Столь сильный и воинственный славянский народ Русь заселял с давних времен территорию современных Казацких Земель и, с половины VII ст., входил в состав Хозарской Империи.

Но в половине IX ст., под натиском новых азиатских завоевателей, венгров, торков и печенегов, начался распад Хозарской Империи, отрыв ее окраин: Поднепровья — впоследствии Киевское государство, и Среднего Поволжья — Камской Болгарии. Русы же Подонско-Приазовские еще продолжали оставаться в составе Хозарской Империи.

Камская Болгария (в среднем течении Волги и по Каме), находившаяся под влиянием арабской культуры и ислама, уже в первой половине IX ст. приняла ислам. Русь Подонско-Приазовская (Казакия) — алане и казахи — примерно в то же время стала христианской; следовательно, она стала христианской значительно раньше Руси Киевской, (крещение Владимира в 988 г.). О том, что Русь Подонско-Приазовская стала христианской раньше Руси Киевской, свидетельствует патриарх Фотий и Устав Византийского императора Льва Философа о чине митрополичьих церквей, где на 61 месте показана церковь Русская. А этот Лев Философ жил в 836 — 911 г. г., далеко раньше до крещения Киевской Руси. (Быкадоров).

Так с несомненностью устанавливается существование с незапамятных времен на территории Казакия славяно-русов, с христианской религией.

Сначала более или менее единое славянское племя русов, в половине IX ст., под влиянием совершившихся на их территории событий, разделилось: Камская Болгария, где преобладал тюркский элемент, оторвавшись от ядра Хозарской империи, попала под влияние и власть тюрков и приняла ислам. Русь Поднепровская, предки Запорожцев, тоже оторвавшись от ядра Хозарии,

подпала под власть дружинников Рюрика — Аскольда и Дира, а затем, в 882 г. сын Рюрика, Игорь, при своем воспитателе Олеге, кладет там начало Киевской великокняжеской династии. А Приазовско-Подонская Русь продолжает оставаться в составе уцелевшего ядра Хозарской империи. Этим объясняется и то, что с этого времени в русских летописях не упоминается о славяно-русском населении Приазовья и Подонья. Но это, конечно, не значит, что это население, как и его главный город, Руссия, исчезли с лица земли, а только значит, что племенное название славяно-русского населения Подонско-Приазовской Руси для иностранцев покрывалось общегосударственным названием — Хозаров. Народ же славяно-русский несомненно продолжал жить в составе уцелевшего ядра Хозарской империи на своей древней земле, лишь утратив связь и постоянное общение с остальными частями (отделившимися) славяно-русов Поднепровья. О существовании этих славяно-русов и их городов в Подоньи, как незадолго до похода Святослава в 943 г., так и в последующие годы, свидетельствуют иностранные писатели и путешественники.

Следствием похода Святослава, сына Игоря (после короткого правления его жены, Ольги), в Подонье и Приазовье был разгром Хозарской империи и введение части ее территориального ядра — Казакии — в состав русского (Киевского) государства, под названием Тмутараканского княжества. Этим вхождением была восстановлена прервавшаяся было связь Руси Приазовско-Подонской с Русью Поднепровской.

После убийства печенегами в 972 г. Святослава его сыновья — Олег, Ярополк и Владимир — начали борьбу за власть. Затем после гибели Олега, эта борьба еще больше ожесточилась между оставшимися двумя братьями — Ярополком и Владимиром. Первый опирался в своей борьбе на силы степной полосы, а второй прибег к помощи наемных варяжских сил. Превосходство сил и средств было на стороне кн. Ярополка и лишь гибель последнего дала возможность Владимиру,

оставшемуся единственным наследником державы Святослава, соединить в своих руках власть над всем Русским (Киевским) государством. (Быкадоров).

Владимир Святой покорил Крым, который вошел в состав Тмутараканского княжества. А это последнее, Тмутараканское княжество, затем было дано Владимиром в удел своему сыну Мстиславу.

Принятие христианства в последней четверти X ст. Киевской Русью при Владимире Святом связало религиозным единством и объединило с нею Русь Приазовско-Подонскую, бывшую уже более столетия христианской.

Так, в результате успешных военных действий Киевских князей и принятия христианства Киевской Русью, восстанавливается связь славян Востока Европы под главенством Киевского великого князя, но предки казаков, славяно-русы Подонья и Приазовья (Тмутараканское княжество) составляют особое княжество и живут обособленной общественно-государственной жизнью, сохраняя все свои древние формы народной жизни.

Было ли такое присоединение Тмутараканского княжества к Киевской Руси следствием осознанного чувства единства славян Востока Европы или осуществлением какой-то государственной идеи со стороны Киевских князей, как принято думать? Вряд ли это так было. Например, евразийцы довольно резонно утверждают, что в те времена Киевские князья жили „крайне примитивными представлениями о государственности... В этом отношении до-монгольская Русь находилась на самой низкой ступени развития“, что она, Киевская Русь, прикрепленная к известной речной системе, но, в силу угрозы степных кочевников, до конца ею не овладевшая, вынуждена была „разлагаться и дробиться на мелкие княжества, постоянно друг с другом воюющие и лишенные всякого более высокого представления о государственности... Отдельным речным городам и княжествам, входящим в состав Киевской Ру-

си, действительно ничего другого не оставалось как „самостийничать“ и друг с другом драться“.

Так характеризуют состояние и положение русских князей того времени евразийцы, которым в оригинальном подходе к русской истории и в хорошем знании ее отказать никак нельзя, как бы мы не относились к их политическому учению.

Очень возможно, что те столкновения русских князей, их междоусобные войны происходили не из за какой либо государственной идеи, а просто за личную власть отдельных князей, за преобладающую роль на „пути из Варяг в Греки“. Возможно, что и присоединение Приазовско-Подонской Руси (Тмутараканское княжество) к Руси Киевской было только простым завоеванием, следствием случайной военной удачи киевского князя. Как бы то ни было, при Владимире Святом славянское население Тмутараканского княжества установило связь, вошло в какие то взаимоотношения с Русью Киевской.

Но в половине XI ст. в степной полосе появляются новые завоеватели — половцы, — снова отрезают Тмутараканское княжество от Киевского государства; связь между ними снова прерывается. Поэтому, в русских летописях, с конца XI ст., перестают говорить об этом Тмутараканском княжестве. Но это опять таки не значит, что население его бесследно исчезло. Оно не могло исчезнуть, как не исчезли и города, не исчезла и жизнь в них.

Тмутараканское княжество перестало лишь существовать в виде особого княжества Киевского государства. Оторванное от центра, предоставленное самому себе, оно еще теснее сблизилось с тюркскими народами, более усиленным темпом началось смешение с инородной кровью, но сохраняя свое славянское лицо, свою христианскую религию.

С этого момента, с момента отрыва в половине XI ст. Тмутараканского княжества от Киевской Руси, начинается формирование той особой славянской на-

родности, прямыми потомками которой являются современные казаки. Такая народность не образоваться не могла. На территории Казакии, в составе Хозарской империи на протяжении сотен лет, а, затем, в составе Тмутараканского княжества в течение более ста лет жили общей жизнью две народности: славяно-русы и тюрки-казахи, имевшие тождественный народный быт, родственную психологию, подвергавшиеся одинаково влиянию одной, византийской культуры, развивавшейся в одинаковой духовно-психологической атмосфере, а с середины IX ст. имевшие и общую христианскую религию.

И эта, путем многовекового совместного сожительства на одной территории, в одинаковых природных условиях, переживая одинаковые военно-политические события образовавшаяся народность Тмутараканского княжества явилась родоначальницей современного Дон. Казачества, которое, в свою очередь, явилось родоначальником других казачьих Войск, за исключением нынешних кубанских Черноморцев, потомков Запорожцев.

С 1094 года в русских летописях перестают говорить о Тмутараканском княжестве. Это обстоятельство дает основание русским историкам утверждать, что славянское население Тмутаракани и само княжество совершенно было уничтожено новыми степными завоевателями — половцами.

Но в истории нет примера, чтобы какой нибудь народ, имевший многовековую историю, привязанный к определенной территории, хорошо приспособленный к природным условиям местности, имевший организованную государственную жизнь, — бесследно исчезал.

Точно также и население Руси Приазовско-Подонской (Тмутаракань) исчезнуть не могло, как не могли их, прекрасных воинов, искусных моряков, всех поголовно вырезать новые завоеватели, половцы, которые и чисто по эгоистическим, государственно-политическим соображениям делать этого не могли: это им было просто не выгодно.

Нет, славяно-русы Тмутараканского княжества жили и не переставали занимать свою древнюю землю: они только вошли в состав нового государства кочевых народов, с которым сжились и к которым уже достаточно хорошо приспособились.

Неупоминание в русских летописях о славянах Тмутараканского княжества казачьи историки объясняют так: под влиянием тех военно-политических событий, какие совершались тогда на Востоке Европы, в силу наступившего (после смерти в 1054 г. в. кн. Ярослава), длительного периода междуусобной войны князей — началась дифференциация до этого более или менее единого славянского народа на Востоке Европы; наметились и пути, по которым эти деления пойдут. Например, немного раньше „часть алан и черкас (касогов или касахов) Святослав после удачного похода на Хозарию, переселил на Днепр, где они, вместе с прибывавшими впоследствии другими тюрко-татарскими племенами, смешавшись с местным славяно-русским населением, усвоив его язык, образовали особую народность, дав ей свое этническое имя черкасов (черные клобуки). Из этих черкасов и создано затем поднепровское казачество с Запорожьем“. (Степнев). В это время наметились те точки, основные „ячейки“, из которых потом образовались те народно-государственные организмы, которые впоследствии будут называться Русью Юго-Западной, Русью Северо-Восточной и отдельно от них — Русь Юго-Восточная (Казакія).

Население этих государственных организмов, в силу разрыва связи, попадает в различные географические, экономические и бытовые условия; жизнь и развитие их протекает в различной духовно-психологической атмосфере. В Восточной Руси широким потоком начинает вливаться финская кровь; вливание тюркского элемента в кровь народа Юго-Восточной Руси (Казакія) еще более усиливается; народ, который называется чингами, казаками, черкасами, кабарями (все они являются

тождественными, заменяющими одно другое) совершенно смешивается с населением Тмутаракани.

Таким образом наступает полный разрыв между отдельными частями славяно-русов Востока Европы и, естественно, что для Северо-Восточной Руси, следовательно, и для русских летописцев, Русь Юго-Восточная (Казакія) становится „земля незнаваема“.

Но через сто с лишним лет, а именно с 1147 г., русские летописцы уже снова говорят о славянском населении Тмутараканского княжества, но только называют их не славяно-русами, а „бродниками“. Эти „бродники“, согласно русской летописи, а на самом деле старое славяно-русское население Тмутараканского княжества, живут на той же территории славяно-русов, представляя из себя уже сложившуюся народность, стойкую, способную на противодействие чужому влиянию, что дало им возможность и под владычеством половцев сохранить свой славянский тип, язык, свою христианскую религию. У этих „бродников“ были свои города, церкви, существовало даже земледелие, что совершенно противоречит предположению русских историков, которые производили это название от слова „бродить“, т. е., что „бродники“ были, мол, бродячие люди, бездомные скитальцы, случайно забредшие на Дон.

Но что это не так, что „бродники“ были именно то же славянское население Тмутараканского княжества, свидетельствует и русский историк Голубовский, который пишет: „бродники есть община, выработавшаяся из остатков подонского населения, вследствие исторических и этнографических условий, в которые это население было поставлено... Бродники жили в восточной части степи — в Подоньи и по берегам Азовского моря; они исповедывали православие и участвовали в предприятиях половцев“.

А один иностранный ученый пишет, что „те бродники, презирающие смерть, ветвь русских (русов); и они народ, повинующийся Богу войны (воинственный)“, т. е.

народ живший на своей территории еще со времен Хозарской империи.

Посол Людовика Св., Рубруквис, о бродниках говорит следующее: „от смешения алан с русами образовался особый народ“..., т. е. опять говорит, что бродники то же славяно-русское население Тмутараканского княжества.

Казачьи историки название „бродники“, установившееся за населением Тмутараканского княжества, объясняют следующим образом: в те времена всякое славяно-русское население и его войско входило в состав того или иного русского княжества; славяно-русское же население Тмутараканского княжества не входило ни в какое княжество, а войско его помогало и воевало с кем хотело, и в этом смысле было „бродячим“. Название бродников население Подонья получило по государственно-политическому признаку, а не по социально бытовому (Быкадоров).

— „Из смешения русов с тюркскими племенами образовалась новая народность — бродники. Название это, конечно, не этническое, а бытовое и профессиональное, могло быть дано потому, что, очевидно, они из войны сделали себе род ремесла, как средневековые швейцарцы или ландскнехты, и участвовали в войнах на стороне различных суверенов из-за материальных выгод — „бродили“ от одного к другому. Возможно и другое объяснение: бродникам поручалась охрана бродов на Дону и по другим рекам“. (Степнев).

Бродники, входя в состав половецкого государства, участвуя в войнах вместе с ними, часто действуя и самостоятельно, имели свое особое общественное и военное устройство, управление, свое войско, приобрели широкую известность в Европе.

Они представляли из себя настолько серьезную организованную силу, что появившиеся в первой четверти XIII ст. на Востоке Европы новые кочевые завоеватели — монголы — установили с ними добрые взаимоотношения. Во время первого монгольского нашествия, в

битве на Калке в 1223 г., бродническое войско под водительством своего воеводы Пласкини, дралось против половцев и русских князей на стороне монголов. Поэтому совершенно естественно, что „бродники“ в течение всего времени владычества монголов на Востоке Европы до конца XIV ст., будучи „на хорошем счету“ у монголов, сохранили в полной неприкосновенности свое народно-общественное устройство, свою религию, свою военную организацию, широкую национальную автономию. Если же принять во внимание существовавшую у монголов определенную политическую систему — не вмешиваться во внутреннюю жизнь уже покоренного народа и полную веротерпимость, то легко можно себе представить, что бродники при монголах сохранили в полной неприкосновенности свое национальное лицо, внутреннее устройство своей народной жизни. Это тем более было доступно бродникам, они тем более легко подпадали под защиту этой монгольской политической системы, что они, бродники, с самого начала появления монголов явились их верными союзниками. Поэтому они пользовались в полной мере всей „льготой“, предоставляемой этой монгольской системой и сохранили в полной неприкосновенности все исторически сложившееся у них: прежнее внутреннее устройство народной жизни, управления, организации, народно-хозяйственной деятельности, быта и пользовались полной свободой вероисповедания. В 1261 г. для этого броднического народа была учреждена Подонская епархия.

В период монгольского владычества на Востоке Европы (1240—1400), в государственной системе Золотой Орды население Северо-Восточной Руси (Москва), как земледельческое, играло роль поставщика материальных средств для завоевателей, т. е. для монголов; бухарцы, хивинцы, камские болгары — роль торгового класса, сословия; а народы степной полосы, в том числе и бродники, являлись для монголов необходимой вооруженной силой, вместе с самими монголами являлись источником военного могущества Золотой

Орды. Бродники были свободны от дани и податей, подчинены непосредственно Хану Золотой Орды, сохраняя в полной неприкосновенности свое национальное лицо; они несли лишь одну определенную обязанность — иметь готовое конное войско (Быкадоров).

Что славянское население Тмутараканского княжества (Подонья), не исчезая, жило в составе Золотой Орды и за время пребывания под ее властью приобрело свое народное название „казак“, непрерываемо свидетельствует выписка из древней летописи в часовне на Лубянке, касающаяся иконы Божией Матери, каковая выписка гласит: „там, на верховьях Дона, народ христианский воинского чина живущий, з о в о м ы й к о з а ц ы, в радости сретающа его (Вел. кн. Дмитрия Донского) со святыми иконами и со кресты поздравляюща ему“...

Занимая в государственной системе Золотой Орды положение и значение военно-служилого сословия, внутри себя население Подонья было свободным и вольным народом.

Население Подонья во времена владычества половцев и монголов на Востоке Европы (1100—1380) на протяжении около 300 лет было оторвано от Руси Юго-Западной и Северо-Восточной и, естественно, этановая народность (донские казаки) утратила ощущение признаков родства с ними; тем сильнее выявлялось родство с казаками (чигами). От них они и получили свое имя — казаков.

Таким образом далекие предки казаков, образовавшиеся из слияния в течение многих веков двух этнических элементов — славяно-русов и тюрков — постоянно и непрерывно жили на своей древней земле до конца XIV ст.; подвергаясь воздействию византийской культуры, постоянно общаясь с азиатскими народами, усваивали их народный обычай, быт; как коренные и постоянные жители определенной территории, достигли значительного (для своего времени) культурного развития (города, церкви, земледелие); условия степной

жизни, суровая жизнь на территории, веками являвшейся ареной боевых столкновений народов, необходимость постоянно защищать свою жизнь с оружием в руках — выработали в них выдающиеся боевые качества, что сохранились и у современных казаков, их потомков.

Так непрерываемо устанавливается непрерывная преемственная связь современных казаков с их далекими, древними предками — славяно-русами, с незапамятных времен являвшимися коренными обитателями современных Казачьих Земель.

Казаки — не беглецы, не преступники, не „воровская шайка“, как их аттестуют русские историки, а отдельный славянский народ, имеющий свою долгую, полную трагическими событиями и величайшими подвигами, историю, перед которой должны почтительно преклониться и откуда веет той „древней казачьей стариной“, на которую ссылаются многие, но которую мало кто знает.

Конечно, физический и духовный облик современного казака и его древнего предка вполне тождественными быть не могут. Это понятно и естественно, ибо между ними лежат целые столетия, полные величайшими событиями, в течение которых сотни раз осуществлялась в различных комбинациях „чудная смесь племен и наречий“, что не могла не оставить заметного своего следа на физическом и духовном облике казака, но все же основные духовные свойства, душевные качества предков сохранились у казаков и до наших дней. Это — рыцарский дух, любовь к свободе и независимости, способность к организации, равноправность всех в жизни, чувство собственного достоинства, храбрость, любовь к своему верному другу-коню, презрение к пешей службе, выдающиеся качества воина.

Совершенно естественно, что постоянное и непосредственное общение казаков с кочевыми народами, пребывание в составе многих степных народов не могло ограничиваться только внешней формой и не могло

сводиться только к простому подчинению власти завоевателей. Разумеется, казаки неизбежно должны были до известной степени воспринять и самый дух степных народов, многие черты их быта и жизни.

Интересен в этом отношении взгляд казаков на земледелие. Как известно, Донские казаки до недавнего времени принципиально отказывались от земледельческого занятия, считая его несовместимым с казачьим духом. Даже Войсковой Круг в 1690 г. издал указ, запрещающий казакам пахать и сеять: „если кто будет пахать, того бить до смерти и грабить“... Откуда такое отношение к земледелию, т. е. к прочному оседанию на земле? Особенно непонятным становится такой презрительный взгляд на земледелие, если принять во внимание указания историков, что далекие казачьи предки занимались земледелием.

По моему, казаки такой свой взгляд могли усвоить у монголов за время своего совместного с ними сожительства в составе Золотой Орды. Монголы, свято выполняя завет своего владыки, Чингис-Хана, принципиально отказались от оседлой жизни, от земледелия, считая его занятием недостойным, низким. Чингис-Хан оставил своим потомкам завещание, чтобы они „всегда сохраняли свой кочевой быт и остерегались становиться оседлыми“.

Почему же был дан такой завет? Правильно или неправильно, но Чингис-Хан полагал, что свободными рыцарями, смелыми воинами, неподкупными военачальниками, честными администраторами в его империи могут быть только степняки-кочевники, не привязанные к материальным благам, неподвижно сосредоточенным на одном месте. Он считал, что у горожанина или земледельца, дрожащего над накопленными материальными ценностями, алчная привязанность к этому своему материальному богатству, животный страх за судьбу своего богатства, — убивают дух свободы, дух рыцаря, сознание долга, чувство чести и порождают самые низменные чувства: продажность, подкупность,

лесть, зависть, трусость, бесчестность, мелкий расчет.

Не оттуда ли усвоен такой презрительный взгляд на земледелие казаками, которые являлись природными рыцарями, у которых высокое благородство, честность являются неотъемлемыми душевными качествами?

Конечно, и раньше, и в период монгольского владычества и особенно после него, Казачество пополнялось не только путем естественного, внутреннего органического роста (рождение), но и путем механического смешения.

Свободная и вольная жизнь в непосредственной народной республике Донских казаков привлекала многих из состава других соседних народов. Они приходили и входили в состав Казачества, благо, что процедура приема была несложная, нужно было только принять краткую формулу.

Приходили к казакам турки, греки, персы, поляки, чехи, татары, грузины, а с первой половины XVII ст. и калмыки, но меньше всего приходили русские (великоруссы), которые совершенно не были приспособлены к ратной жизни казаков и, по многим причинам, не могли и приходить.

Что Казачество не было образовано беглыми русскими людьми и что даже пополнение его беглецами из Великороссии было незначительным, подтверждают и некоторые русские историки.

Например, русский историк и ученый археолог, Ознобишин, решительно отвергает подобную „теорию“ и пишет: „Басня, переданная Броневским, о беглых москвичах, основавших донское казачество, тоже не имеет основания и не выдерживает критики. В XV веке, в момент появления казаков на Дону, в России не было еще крепостного права, и всякий мог переходить с одного места на другое: предполагать же, что беглые были исключительно преступники, тоже нет основания. Какое число преступлений надо было совершить, чтобы образовалась целая масса, целые тучи преступников, где-то увидавших друг друга,

сговорившихся бежать куда-то в неизвестные страны, к неизвестным народам и, явившись на место в низовьях Дона, сейчас же сумевших проявить ум, сметливость, отвагу; успевших приобрести оружие, составивших правильное общество, беспощадное для преступлений, управляемое вечем и имеющее толковых грамотеев, умевших писать царям. Все эти предположения — одна фантазия, и можно положительно доказать, что беглые московские люди могли явиться на Дон только тогда, когда были уверены, что найдут там приют и защиту, т. е. уже долго спустя после появления донцов на Дону, после закрепощения крестьян и после церковного раскола, а в другое время из России на Дон являлись единицами“...

Так русский ученый квалифицирует русскую же официальную „теорию“ о казачьем происхождении: „басня“, „одна фантазия“.

О значительном приливе в Казачество представителей иных народов свидетельствуют многочисленные казачьи фамилии: Турчаниновы, Грековы, Поляковы, Черкасовы, Татаркины, Калмыковы, Грузиновы, Персидсковы и т. д. и фамилии, явно происходящие от слов не славянского корня, а также обличие многих казаков. Например, фамилия Харламов явно от калмыцкого слова: хар — черный, лам — священник. Харлам — по-калмыцки значит — человек, отрекшийся от духовного сана. Боков — тоже от калмыцкого слова. Бок — буквально пыль, сор. По смыслу — человек незнатного происхождения, находящийся на низшей сословной ступени. Темирев от калмыцкого слова темир — буквально железо, значит — железной силы (воли) человек. Таких примеров можно приводить без конца.

Русские историки не хотят ныне признавать независимого от русских происхождения казачества, ссылаясь и на язык, утверждая, что казаки — русские люди, говорящие на одном с русскими языке.

На этот „языковый довод“ казачьи историки отве-

чают, что в то отдаленное время, когда возникло, развивалось и укреплялось Донское Казачество, никакого единого русского языка не существовало, а были только отдельные славянские наречия, в том числе и Донское. (На днях только один профессор мне говорил, что один великий русский ученый уже давно доказал, что наравне с великорусским, украинским наречиями, существовало и донское наречие. Но кто этот русский ученый, доказавший существование отдельного донского наречия, конечно, этот профессор не говорит, ибо это может усилить позицию самостийников).

С резонностью такого утверждения казачьих историков не согласиться нельзя, если принять во внимание, что существующий единый русский литературный язык — совсем недавнего происхождения. По словам Тургенева, только Пушкин „создал русский язык и установил литературу“ (значит, только в первой половине XIX ст., когда Казачество было кроваво подавлено, когда все казачье каленым железом уничтожалось), что до этого времени существовали только отдельные славянские наречия, а вся русская знать считала великорусское наречие языком дикарей и стыдилась говорить на этом наречии.

Для каждого станет понятным, что языком утвердившимся в XIX веке, нельзя обосновывать спор, относящийся к VII столетию, или хотя бы даже к XVI ст. Далеким следствием истории объяснять самую историю. От следствия выводить причину!

Несчастье казаков в том, что историческая жизнь для них сложилась неблагоприятно, их наречие не могло развиваться и стать, наконец, общепризнанным народным и государственным языком, как это случилось, например, с одним наречием немецкого языка, которое стало голландским народным и государственным языком.

Вот та картина казачьего прошлого, какая рисуется казачьими историками. С ними в полной мере

согласуются утверждения и объективных иностранных исследователей.

Например, один иностранный ученый говорит, что „казаки представляют собою... остатки сильно смешанных племен, населявших большую часть пространств между Волгой и Доном, Черным морем и Днепром, которые известны в московских хрониках под именем хозар и печенегов, непримиримых врагов древних киевских великих князей, хотя сами были славянского происхождения. Остатки этих разных этнографических групп слились с покоренными русскими под владычеством татар и с ними же делили свою судьбу до 15 ст. После падения татарского ига, остались они в своих просторных степях и жили какой-то военно-демократической республикой... Казаки не имеют ничего общего с русскими, кроме греческой веры и испорченного русского языка. Их же нравы и обычаи, их способ жизни, оружие и способ войны, все это отличает их от русских“...

Эти же иностранцы свидетельствуют, что казаки и после татарского ига оставались жить на своей земле особой государственной жизнью, никуда не исчезли, но только „мало по малу потеряли свою независимость... Петр I отнял у них право выбирать главу государства“, — продолжает тот же иностранец.

Таким образом, и казачьи историки, и объективные иностранцы, на основании изучения исторических данных приходят к одному и тому же выводу: казаки — особый народ, с сильной примесью тюркской крови; являются коренными обитателями исторической Казачьи (современных Казачьих Земель); со времен Хозарской империи (вторая половина VII ст.) и вплоть до самого конца XIV ст. (распад Золотой Орды), т. е. на протяжении почти 600 лет, непрерывно жили на своей древней земле, сохраняя свое национальное лицо, народный быт, хозяйственную структуру, свою христианскую религию...

В последнюю четверть XIV и в начале XV ст. население Подонья, т. е. донские казаки, пережили тяжелые времена, большие народные несчастья. Началось это несчастье со времени Куликовской битвы в 1380 г., когда казаки стали на сторону объединенных войск князей Юго-Западной и Северо-Восточной Руси и способствовали поражению Мамаю. Толкнуло же казаков к такому шагу стремление освободиться от власти татар. Такой их шаг снова свидетельствует, что казаки, несмотря на полуторавековое владычество татар-монголов, сохранились как особый народ, сохранили свою самобытность, свое сознание, волю к свободе, и, самое главное, сохранили свое право и возможность — свободно выбирать себе военных и политических союзников. К этому шагу толкнула казаков еще и религиозная нетерпимость татар к христианам, когда прежняя монгольская широкая веротерпимость была заменена мусульманским фанатизмом.

В течение этого периода времени (конец XIV и начало XV века) территория Казачьи последовательно подверглась нашествию новых и грозных завоевателей — Тахтамыш и Тамерлана. Русские историки как раз на эти события указывают и на основании их утверждают, что после этих погромов от населения Подонья, т. е. донских казаков, ничего не осталось: все, мол, было вырезано, что территория эта в течение почти ста лет пустовала и только к началу XVI ст. на этой территории начали, мол, сбегаться русские крестьяне, которые, мол, и образовали в XVI ст. вольную колонию, Донское Войско.

Если Тахтамыш и Тамерлан действительно вырезали многих казаков, то русские историки, сидя в своих кабинетах, на бумаге „вырезали“ всех остальных казаков и от древнего и славного Донского Казачества ничего не осталось!

Но так ли это? Конечно, нет!

Казаки исчезнуть бесследно не могли. Они хорошо были подготовлены к встрече всяких бедствий, о про-

исходящих и грядущих на Востоке Европы событиях достаточно были осведомлены. Следовательно, заставить казаков врасплох и вырезать их всех не мог никакой хитроумный враг.

Наоборот, достоверно, известно, что, когда нагрянули грозные события, большая часть Донских казаков в самом конце XIV ст. переселилась на север, в пределы лесной полосы, в непосредственное соседство с Московским и Рязанским княжествами, на окраины и пределы их. Часть же казаков сохранилась в низовьях Дона, поступив на службу возобновленного в 1400 году генуэзцами города Азова (а после захвата его в 1471 году турками и к этим последним), получив название азовских казаков; часть же казаков поступила на службу генуэзских городов в Крыму; но часть казаков все же осталась на своих старых местах, на родной земле, забравшись в глухие, малодоступные места.

О том, что часть казаков никуда не уходила, и не была вырезана Тамерланом, а продолжала жить на своей древней родине, свидетельствует и генуэзец Барбаро, долго живший в Азове, который в 1436 году писал, что „в Приазовьи живет народ, называемый азказак, говорящий славяно-татарским языком“. Замечательное свидетельство: казаки говорили на славяно-татарском языке, т. е. на своем донском, казачьем наречии!

И совершенно естественно, что как раз с этого времени становятся широко известными „азовские“, „генуэзские“, „рязанские“, „московские“ и т. д. казаки, поступающие на службу, ищущие работу, „батраки“, как их называют некоторые русские историки, как и сейчас у нас имеются „парижские“, „болгарские“, „сербские“ и т. д. казаки.

То были первые казачьи эмигранты конца XIV и начала XV ст., как и мы сейчас являемся казаками-эмигрантами XX века, изгнанные чужими завоевателями из своей казачьей хаты и вынужденные скитаться по чужбине; эти далекие казачьи предки, вынужденные

эмигрировать, искали службу, работу, „батрачествовали“, как это делаем сейчас и мы, казаки-эмигранты; как и мы сейчас страстно желаем возвращения на Родину, так и те первые казачьи эмигранты рвались домой и при первой возможности возвращались в свою родную страну, к тем, которые там еще оставались. Несмотря на запретительные меры московских князей, возвращение казачьей эмиграции на Родину продолжалось в XV и в начале XVI века.

Их то русские историки и выдавали за беглых русских крестьян!

Конечно, не все казачьи эмигранты вернулись из пределов Московского царства на свою Родину. Часть казаков там осталась и послужила основанием так называемого служилого, „городового“, „сторожевого“, „поместного“ казачества, которое уже ничего общего не имело с Вольным Казачеством, утратив, под влиянием московской деспотии, свою любовь к свободе и воле, превратившись с течением времени в служилое сословие.

В первой половине XVI ст. оставшиеся на Дону и вернувшиеся из пределов Московского царства Донские казаки, объединившись, на древних казачьих началах, по казачьему древнему обыкновению, создают, укрепляют и развивают тот общественно-государственный организм, который позже будет называться республикой Вольного Казачества, существование которой уже ни в ком не вызывает никакого сомнения.

В такую стройную, логически-последовательную систему вкладывают казачьи историки, в полном согласии с объективными иностранными исследователями, происхождение, рост и развитие Донского Казачества, многовековую историю его.

Казаки — особый народ, происшедший из смешения и долгого совместного сожительства на определенной территории славяно-русов с тюрко-казахами.

— „Смешение казахов (черкасов) с Кавказа и вообще тюркских народностей (печенегов, торков, полов-

цев) с русами в Поднепровью привело к образованию особой народности — поднепровских черкасов, из которых, главным образом, и образовалось Запорожское Войско, этнически слившееся большей своей частью с украинским народом, передавшим свое название и особый характер и бытовые особенности поднепровской части населения Украины...

— „Смешение казахов с славяно-русами Подонскими и Приазовскими (Казакии) привело к образованию особой бродницкой народности, которая получила в системе Золотой Орды государственное, военно-служилое положение и значение Казачества. Эта народность усвоила название казахов, как этническое...

— „Смешение казахов (черкасов) кавказских с киргизами повело к образованию особой киргиз-казацкой народности, особого народного организма“, — говорит Быкадоров в своем историческом труде „История Казачества“.

О том, что из себя представляло Донское Казачество с первой половины XVI ст., какою общественно-государственной жизнью оно жило до начала XVIII ст., т. е. до момента жестокой, чудовищной расправы с Донским Казачеством, учиненной Петром I, мы все достаточно хорошо знаем. С этого момента казачья история довольно хорошо освещена разными историками, и казачьими и не казачьими.

Чтобы много не распространяться в этой части своего сообщения, я ограничусь лишь приведением выдержек из исторических трудов компетентных людей.

— „Войско Донское не было результатом царского повеления или правительственной деятельности, оно не было провинцией или колонией царства. Войско Донское было народной колонией, вольной и независимой. Оно было государством, а не провинцией... Государственная власть на Дону имела своим источником народную волю, и донская колония представляла из себя республику. Суверенная верховная власть в Донской

республике принадлежала общему народному собранию, носившему название Круга или Войскового Круга“.

Так определенно и категорически говорит проф. Сватиков.

Даже в царских грамотах, — продолжает тот же профессор Сватиков, — „Державный народ Дона поминается всегда впереди его выборного Атамана... Круг был верховным органом народной воли. Ни один из органов власти исполнительной не смел действовать в мало-мальски важном деле без „войскового совету и приказу“, т. е. без приговора Круга... Итак, в период 1549-1721 г. Донской Войсковой Круг был народным собранием непосредственной Демократической Республики, единой нераздельной“. „Донское Войско представляло из себя в XVI-XVII ст. военно-демократическую республику. Эта республика была особым, отдельным от Московского царства, государством, имела свою территорию, свой народ и свою власть... Народ Дона составляли Донские казаки, свободные граждане Донской республики“... — Так говорит тот же пр. Сватиков в другом месте.

Правда, Сватиков говорит, что „Войско Донское было вольной колонией русского народа, основанной донскими казаками“. Ну, а кто такие были по своему происхождению донские казаки — мы видели из исследований других историков. Нам важно его категорическое утверждение, что Донское Казачество представляло из себя отдельное от Московского царства государство, суверенная власть в котором принадлежала народу — донским казакам.

— „С 1546 года и вплоть до 1671 г. Донское Войско являлось независимым государством. Эта независимость Донского Войска, согласно исторических данных, выражалась не только в наличии своей территории, власти и народа, но и в независимости власти, в независимости дипломатических сношений с соседними на-

родами и государствами, в полной независимости от открытия войны, ведения ее и заключения мира, в наличии своих интересов, в своем понимании их", — говорит Быкадоров.

— „Казачество особый народ... История Казачества под любым углом зрения, только не под российским, показывает, что органической связи казачьего народа с великорусским народом, Казачьих Земель с Великой Россией никогда не было“, — говорит тот же Быкадоров в другом месте.

Одним словом, Казачество, по свидетельству объективных исследователей, народ, который ведет свое начало еще с VII ст. Формировался, развивался и укреплялся в течение многих веков, входя в состав различных степных государств. Это развитие и укрепление особенно сильным было в период монгольского владычества. В конце XIV и в начале XV ст. (после распада Золотой Орды) Казачество пережило самые большие национальные бедствия, но к XVI веку снова оправилось и с тех пор до начала XVIII ст., когда Петр I разгромил его, жило особой самостоятельной государственной жизнью, форма которой подходила под современный республиканский строй, от начала и до самых верхов государственной лестницы проникнутый выборными началами. Некоторые казачьи историки в наличии такой государственной системы в Казачестве видят лишнее доказательство несостоятельности теории происхождения казаков от беглых московских крестьян.

Так представляется нам зарождение Казачества, его рост и развитие, общественно-государственная жизнь, как нам рисуют объективные историки, исследователи, внимательно изучившие казачье прошлое.

Вот чем было, чем являлось Казачество до начала XVIII ст., т. е. до 1721 года (формально), когда естественное его дальнейшее развитие было прекращено грубой физической силой, когда Казачество пережило страшную национальную трагедию, когда десятки тысяч казаков по жестокому повелению Петра I были

умерщвлены и Седой Дон был залит потоками казачьей крови.

„Реки крови и слез, горя и страданий сопровождают конец Казачьей вольницы“. — Пишет даже один советский историк Каз-ва (И. Ульянов).

С этого момента казачья жизнь пошла по другому руслу, Казачество стало пребывать в атмосфере рабства, деспотии; постепенно, под давлением физической силы и насилия, казачье сознание начало ослабевать, сила его сопротивляемости стала уменьшаться, а, под влиянием искусственной русской истории, некогда прекрасный образ свободолюбивого и вольного казака стал тускнеть, принимать другие очертания и, наконец, дошел до того, что у казаков осталась „слава казачья, а жизнь собачья“.

2. О казачьем сознании.

Современные русские историки упорно утверждают, что казаки — русские люди, что сами казаки так, мол, определяли самих себя, что они, в качестве русских патриотов, не переставали служить русскому государству, что, мол, и сами казаки так рассматривают свои взаимоотношения с Москвой.

Что казаки оказали Москве величайшие услуги — в этом нет никакого сомнения. Но интересно в этом отношении ознакомиться со взглядами на этот вопрос некоторых русских же ученых, а самое главное — понять то, как сами казаки рассматривали свою „службу“ Москве?

Русский историк Устрялов в своей „Русской истории“ пишет: „на берегах Дона, Донца, Ворсклы, в низовьях Днепровских появились люди свободные, греческой веры, русского языка, не признававшие над собой ничьей власти; они... не щадили и Россию: то были казаки... Главным пунктом, где развивалась казацкая жизнь в полном блеске, было низовье Дона; здесь образовалось казацкое общество в виде особого на-

рода и отсюда пустило оно отрасли до берегов Днепра, Урала, Кубани. Народ казацкий возник из слияния разноплеменных людей, искавших необузданной воли; в состав его вошли остатки древних половцев, черкесы, переселившиеся с Кавказа, русские удалцы, для которых были тягостны законы, беглые поляки, литовцы, молдаване, отчасти и татары, не терпевшие самовольства ханов. Чудная смесь племен отразилась в чертах казаков, в их языке, в самом образе жизни: лицо их доселе выражает нечто азиатское; язык состоит из слов русских, татарских, польских; бесстрашие в битвах напоминает детей Кавказа, именем которых они гордятся, называя себя без разбора и Казаками и Черкасами“...

Так с несомненностью признает русский историк существование особого казацкого народа, особого казацкого языка.

Один иностранный ученый, д-р Г. Шульц, пишет: „в беспокойных пограничных областях между русскими владениями (т. е. в степной полосе, на Казачьих Землях) образовалась мало-по-малу особая народность“.

Казачью особность, их независимость признают даже московская Боярская Дума и сам царь Иоанн IV. В 1538 г. на жалобу Турции на казаков Боярская Дума отвечает: „на Поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки; и наших окраин казаки смешавшись ходят и те люди как вам, так и нам тати и разбойники“.

В этом документе устанавливается, что на „Дикое Поле“ бежали не московские крестьяне, а именно „многие казаки“, т. е. возвращались на свою древнюю Родину казаки-эмигранты, бежавшие к азовцам, крымцам и на московские окраины и, возвращаясь, „смешивались“.

В 1549 г. Ногайский князь Юсуф также жалуется, что казаки нападают на его владения, забирают в плен. На это Москва ответила: „те разбойники (казаки), что

гостей ваших забирают, живут на Дону без нашего ведома, от нас бегают. Мы не один раз посылали, чтобы их переловить, да наши люди добыть их не могут: вы бы сами велели их переловить и к нам переслати, а мы бы приказали их казнити“...

Или в другом месте тот же царь Иоанн IV отписывает крымскому хану: „казаки на Дону живут не по моей воле, бывают в войне и мире без моего ведома“...

Точно также сами казаки понимали свое происхождение, так именно расценивали свою „службу“ Москве, свои взаимоотношения с Москвой. Это ярко выразилось в одном документе. В 1632 г., после двухлетнего разрыва дипломатических сношений и экономической блокады против Дона, Москва пожелала установить свою власть (скорее символически) над Казачеством. Начала Москва с того, что заставила присягнуть прибывшую в Москву донскую зимовую станицу, на что Войско Донское ответило: „...крестного, государи, целования на Дону, как и зачался Дон казачьи ми головами, не повелось“... Далее в этом же документе казаки подробно перечисляют свою „службу“ Москве, как они помогали ей своим войском и каждый раз заключают: „казаки служили — не за крестным целованием“ и заканчивают свой ответ гордо и твердо: „а с нами того крестного целования не обновитца, чего искони веков не было“...

В 1648 г. посол московского царя, Андрей Лазарев, привел на Дон, на помощь казакам, отряд войск и, желая совершить обряд символического подчинения казаков Москве, потребовал, чтобы казаки пришли к нему на посольский стан получить царскую грамоту. И сам же Лазарев пишет своему царю, как казаки ответили на его попытку: „велели меня за ноги приволочь до Кругу“.

Немного раньше, в 1645 году, когда Дон изнемог после взятия Азова, царский посол, Ждан Кондырев, приведший на Дон вспомогательный отряд, тоже поже-

лал совершить обряд символического подчинения Донского Казачества Москве и „позвал атаманов и казаков к себе на стан“. На эту попытку Кондырева Войсковой Круг ответил: „А Войску де Донскому к Вам в стан не хаживать, и наперед де сего того не бывало, что атаманам и всему Войску Донскому к Вам, к стану ходить“... Казаки считали такую попытку — бесчестием для Войска и писали Кондыреву: „в Круг нейдете, и тем Войску бесчестите. А у нас тово в Войску николи не повелось, что ходить Войску к Вам на стан... Вы в Круг нейдете и государевы казны не отдаете. А у нас — де, как и зачалось Донское Войско, такового образца не бывало, что Донскому Войску на стан ходить или иные такие статьи переменять. И о том — де у нас в Кругу приговор, как исстари бывало, так и ныне будет. И велели Вам от Войска говорить, будет вы к нам в Круг не пойдете и в предь к вам о том от Войска пересылки никакие не будет, и государевы казны и запасов не примем“... (Сватиков).

Вот как высоко ставили казачьи предки свою независимость, как ревниво ее оберегали! Находясь в труднейшем положении (после взятия Азова), во имя защиты своей воли, чтобы Войско свое не „бесчестить“, казаки отказываются от приема царской казны и запасов!

Другого царского посла, Ивана Карамышева, в 1630 г. казаки обезглавили „за его великую неправду“. Точно также поступили казаки и с турецким послом при русском дворе, Фомой Кантакузеном, пытавшимся в 1637 году подать „вести“ туркам. И... „его, посла, за то с его людьми порубили“, — писали потом казаки.

Казаки твердо сознавали свою особенность. Всех, кто покушался на суверенное право народа, судили и наказывали на своем верховном судилище — на Войсковом Кругу. И проф. Сватиков совершенно справедливо пишет: „Круг считал себя вправе судить и казнить за покушения на державные права республики всех: и

„воровских“ казаков, и сепаратистов „Черкасс-Запорожцев“ и даже иностранных послов“.

Эти „державные права республики“, казачья государственная независимость безусловно признавалась и всеми русскими царями, их правительствами вплоть до Петровского разгрома Казачества, когда все сношения Донского Казачества с Москвой велись через так называемый „Посольский Приказ“ (современное Министерство Иностранных Дел), когда казачьим послам („Зимовые Станицы“) на Москве, по словам московского дипломата того времени, Котошихина, „оказывалась честь наравне с иноземными послами“.

Можно ли, имея такие непререкаемые исторические факты, говорить, что казачье освободительное движение, идея казачьей государственной независимости — явление новое, заграничного производства? Конечно, нет! По этой „линии“ возражать против самостийников абсолютно невозможно, ибо исторические факты вопиют против этого.

Нет ничего удивительного, что далекие казачьи предки, ярко сознававшие свою особенность, свое неотъемлемое право по своему строить свою самостоятельную государственную жизнь, — так энергично и решительно охраняли и отстаивали престиж Донского Круга, неприкосновенность державных прав Донского государства!

Предки Казачества, во имя защиты своих государственных прав, готовы были вступить в войну и с Москвой. В 1630 году, после убийства царского посла, Карамышева, в ожидании возможной карательной экспедиции со стороны Москвы, собрался „Съезд всего Войска“ и решил: „...с Москвы хоть сто тысяч пришлют, то мы не боимся, соберемся в один городок“. Тогда же Донцы немедленно заключили оборонительный союз против Москвы с Запорожской республикой, чтобы... „как откуда приходу чайть, каких людей мно-

гих, им взаимно помогать, а Дону де нам без крови не покидывать“...

Когда в 1632 году Донские послы, атаманы Богдан Конинский и Тимофей Яковлев, Лебяжья Шея, вынуждены были патриархом Филаретом присягнуть за Войско на верность московскому царю, то Войско решительно отвергло это покушение Москвы на казачью независимость и немедленно написало: „а креста, государи, целовати мы челобитчикам своим не писали, то они учинили не помня старины, своими молодыми разумы, без нашего Войскового совету и без приказу“.

Нечего говорить о всем известном движении Степана Разина, положившего свою буйную казачью голову на московской плахе...

Точно также известно всем так трагически закончившееся движение Кондратия Булавина, поднявшего знамя борьбы „за казачьи вольности, за честь казачью, неподкупную“. В те времена казаки говорили: „если государь пришлет нам на Дон рать большую, то мы замирился с Азовом и поднимем Крым, и старшин, которые с Разиным не были и государю доброхотствовали, побьем, чтобы они в Москву вестей не давали“...

Как изменились времена и казачье сознание! Тогда „вести“ в Москву рассматривались, как измена Дону, а теперь считается нравственным долгом „доброхотствовать“ Москве.

Даже Пугачев в 1774 году обращался к казакам: „вы ныне помрачены и ослеплены прельщением тех проклятого рода дворян, которые не насытятся Россиею, но и природные казачьи Войска хотели разделить в крестьянство и истребить казачий род“...

Полковник Евграф Грузинов, в 1800 году казненный, защищая казачьи вольности и независимость, говорил, что „все Донские казаки независимы от царского престола и не обещались перед ним вечною присягой, а толь-

ко временной относительно службы, что он (Грузинов), а также все казаки, нимаго не подвластны, а потому и не подданные“ Павла I.

Даже такой человек, как ген. Чернышев, любимец Александра I, в 1819 году назначенный председателем „Комитета об устройстве Войска Донского“, конечно, далекий от признания казачьих прав на независимость, по изучении положения на месте, вынужден был писать своему государю: „...Донской народ угнетен беззакониями всякого рода... Целый народ безответственно угнетается...“ Тот же Чернышев в другом месте должен был признаться перед своим государем, что среди донских казаков, „кои с некоторого времени подстрекаются суждениями обучающихся в университетах (имеется в виду группа Сухорукова!), всегда замечались мечтательные мысли насчет самостоятельности их отчизны“.

Можно ли, имея бесспорное свидетельство таких людей, как г. Чернышев, который не допускал „даже самые мысли“ о казачьей самостоятельности, говорить теперь, что самостоятельность — новое, заграничное, явление? Очевидно, для того, чтобы так утверждать, надо основательно забыть всю казачью древнюю старину или совсем ее не знать!

Даже революционеры XIX ст. хорошо уловили это казачье настроение, не умирая живущее в душе казаков, и на этой казачьей национальной струнке они строили свое обращение (1848) к казакам, адресуя его „Храброму народу, козакам донским“ и указывали казакам, что „ваши свободы и права... не устояли против нападений то лести, то насилия... Довольно вам этой жизни низкой и сромотной, храброй Народ, проснись на зов народов от Запада... Позовите к Вам всех козаков и тогда сделаетесь государством сильным, которое будет владеть землями и морями, и благоденствовать в славе... Воины Дона, Урала, сражайтесь одно

мгновение, как вольные люди, а получите мир, свободу и счастье навсегда“...

Офицер ген. штаба Н. И. Краснов в „Географическом и статистическом описании Земли Войска Донского“ (1863) тоже констатирует это казачье особое сознание и пишет, что „всякое постановление помимо их (казаков) заявления возбуждают в донцах неудовольствие и нелюбовь к иногородним, которых они (казаки называют „русскими“, считая себя как бы отдельным народом“.

Члены свиты цесаревича, посланного в 1863 году на Дон, вернувшись в Петербург, вынуждены были констатировать, что существует „стремление донских казаков к автономии и независимости“.

Возникшая в 1905 году казачья политическая организация „Областной Казачий Союз“ в своей объяснительной записке к проекту устава, писала „Воля, независимость свободной полноправной личности была для казаков дороже всего... И, говоря о заветах предков, не следует забывать, прежде всего, этого. Из исторической борьбы Казачества за свободу и независимость вытекали и главнейшие права Казачества: право на всю землю, которую Казачество кровью своею приобрело“...

В 1906 году сбор Усть-Медведицкой станицы постановил: „В Войске Донском должно быть восстановлено прежнее самоуправление Казачества, должен по прежнему созываться Войсковой Круг из всех казаков-граждан для решения всех вопросов внутренней жизни Казачества, как это было встарь“.

Если обречь внимание на слова „прежнее“, „по прежнему“ и „встарь“, то станет совершенно понятным — какого самоуправления Казачества и какого Войскового Круга требовал сбор Усть-Медведицкой станицы, ибо „прежде“ и „встарь“ самоуправление и Войсковой Круг существовали до разгрома Казачества Петром I, когда Казаче-

ство было совершенно самостоятельным государством.

В Гос. Думе В. А. Харламов говорит о возрождении среди донского Казачества „того старого духа свободы, который создал Казачество, и который с течением веков нашим самодержавным бюрократическим правительством, истреблен в казаках“. Ныне решительный противник казачьей самостоятельности, отрицающий право Казачества именовать себя отдельным народом, В. А. Харламов, вынужден был признать с трибуны Гос. Думы, что „для казака его область — это был особый мир. Это — моя страна: я здесь дома — говорит казак, — а там Россия, там все чужое. И он (казак) не считал себя связанным с нею (Россией)“.

Советский писатель Шолохов, устами героя своего романа, простого казака Афоньки, передает, как казаки сами про себя думают. Когда революционер Штокман, уговаривая казаков не отделяться от мужиков, говорит, что крестьяне и казаки одинаково русские, то этот простой казак Афонька решительно ему отвечает: „Брешешь!“.

— „Казаки от русских произошли, знаешь про это?“ — спрашивает Штокман.

— „А я тебе говорю — казаки от казаков ведутся“ — твердо отвечает тот же Афонька. А когда Штокман с носом уходил от казаков, то последние закричали ему вслед:

— „Сволочь поселилась!.. ишь, поганка, в мужиков захотел переделать!..“

Официальный орган Штаба Донской Армии, газета „Казачий Вестник“ (в Крыму!), уловив „биение казачьего пульса“, правильно поняв настроение и историческое стремление казаков, так определял свою политическую программу: „создание триединого казачьего Доно-Кубано-Терского государства, исторически связанного с древними казачьими республиками, уничтоженными Петром Первым“... Эту свою политическую программу та же газета обосновывала следующим об-

разом: „Какое нам дело до России? хочет она себе коммуны — пусть себе живет с коммуной. Хочет царя — пусть наслаждается царем. А мы хотим жить так, как нам разум, совесть и дедовский обычай велят. Дай Бог нам снова вернуться на Дон, очистить от коммунистической нечести. Мы ошестинимся штыками, потребуем, чтобы нас оставили в покое“. Эти мотивы и эти цели, которые ставила себе Донская Армия в 1920 году в Крыму, являются актуальными и до наших дней.

... „В феврале 1917 года восторжествовали не изжитые Казачеством идеалы древне-русской вольницы. Ныне, очутившись в Крыму, Казачество не откажется от своего права на самоопределение“, писала та же газета, совершенно правильно отражая подлинное настроение и политическое стремление казаков. В этой краткой политической формуле ярко отражена основная сущность казачьей души, с глубокой древности стремящейся к освобождению, к свободе, но эту рвущуюся к свободе казачью душу московские цари и их слуги каленым железом сжигали, потоком крови заливали.

Это отношение московских царей к казакам, к их стремлению хорошо определяет б. председатель „Круга Спасения Дона“, М. А. Горчуков, квалифицирующий это отношение, как постоянную охоту за казачьими черепами. — „Ведь казак всегда был предметом охоты и эта охота мне часто представляется, как охота за черепами. Да, много есть охотников за казачьими черепами, продолжает Горчуков, — ... но мы идем к освобождению, которого так жаждет казачья душа“... Правда, этот самый Горчуков ныне — один из отчаянных противников казачьего освободительного движения, которого, по мнению Горчукова, „так жаждет казачья душа“, но он, Горчуков, теперь думает как тс мирно уладить дело с этими самыми „охотниками за казачьими черепами“, но в минуту откровенности и в пылу ораторского увлечения с его уст сорвалась святая истина!

В 1917 году все казачьи войсковые части „9-ти Казачьих Войск“ при Особой Армии, в своем воззвании к казакам писали: „... проведем в жизнь наши заветные мечты о вольном казачьем самоуправлении... Уже родилась свободная Финляндия, рождается свободная Украина. Мы создадим Вольное Казачество“.

О „не изжитых“ казачьих стремлениях к свободе, к отдельному государственному существованию говорил и тот член Донского Круга, который обращался к Казачеству с призывом: „пригребай к своему берегу!“. Об этих же стремлениях свидетельствует существовавшая у казаков „пограничная болезнь“.

О трагической судьбе Казачества, о его неосуществленных чаяниях рассказывает и б. Командующий Донской Армией ген. В. И. Сидорин, который считает, что над Казачеством висит дамоклов меч. „Под этим дамокловым мечом я разумею то, что... Горчуков назвал охотой за казачьими черепами и, что я (Сидорин) называю вкоренившемся традиционным взглядом (русских) на казачество исключительно, как на отличную боевую силу, как на пушечное мясо“, — говорит Сидорин.

Донской Атаман ген. Богаевский в меморандуме, поданном иностранным державам, „указывал на историческое право казаков на самостоятельное существование“, доказывал, что „независимость Донской территории должна быть гарантирована Антантой“.

— „Представляя из себя последние два с половиной года самостоятельное государство с определенными территориями и населением... оросив кровью каждую пядь своей земли, отстаивая старинные вольности, Донское Казачество не может помириться с поглощением его сов. Россией“, — писал в 1920 году Ат. Богаевский Врангелю.

Замечательное признание, от которого теперь Богаевский, вероятно, будет и руками и ногами откре-

www.ejan-kazak.ru
щиваться: Казачество, орошая каждую пядь своей земли, боролось не за „Единую, Неделимую“, как теперь говорит Богаевский, а боролось „отстаивая старинные вольности“ Казачества!

Я не буду указывать на тот величайший фактор — на существование в 1917-20 г. г. самостоятельных, независимых казачьих государств, на их богатую и разнообразную творческую законодательную работу по строительству народной жизни, на героическую и жертвенную борьбу Казачества „за свой порог и угол“. Также не буду ссылаться на статьи Основных Законов существовавших Казачьих Государств.

Этот фактор всем известен, через него перепрыгнуть никак нельзя и о котором и так уже много раз говорилось. Но следует упомянуть и напомнить казакам, что, если фактом разрушения существовавших казачьих государств, они до некоторой степени освобождены от юридических обязанностей по отношению к этим государствам, то существует обязательный для всех донских казаков моральный закон — присяга „быть верным и неизменно преданным Всевеликому Войску Донскому своему Отечеству“... клятва казаков „обещаюсь служить ему до последней капли крови, всеми силами сособствуя славе и процветанию Войска Донского („Своему Отечеству“)“...

И эта присяга являлась выражением подлинного „казачьего древнего обыкновения“!

Итак:

с древних времен и до наших дней, как у далеких казачьих предков, так и в душе современного казака крепко сидело и сидит:

1) одинаковое понимание казачьей природы, что Казачество имеет свое особое племенное происхождение, свою особую, отличную от русской, историю, особый народный быт, обычай, особую казачью психологию, особую духовную и физическую природу;

2) одинаковое сознание, несмотря на страшные и кровавые подавления, на „вырывание ноздрей“ (брату полковника Грузинова), на „втыкание на кол“ засушенных голов казачьих атаманов (Булавин и Зершиков), на жестокое гонение и насилие, не умирая никогда жило определенное политическое стремление — к своей древней воле, „как встарь“ (сбор Усть-Медведицкой станицы), к своей государственной независимости.

Господа! необходимо обратить свое особенное внимание на одно обстоятельство, на одно „историческое недоразумение“, которое стало как бы „ходячей истиной“.

Все казаки, кажется, за исключением казачьих „младотурков“ и членов партии „Крестьянской России“ желают жить „по казачьему древнему обыкновению“ с „выборным Войсковым Атаманом“.

Что сие значит? В одном этом требовании заключается определенная, точная казачья политическая программа! Одни казаки (большинство) не понимают глубокого смысла своего подобного требования, а другие, знающие, не хотят раскрывать его смысла.

Ведь „казачье древнее обыкновение“ и „выборный Войсковой Атаман“ — это есть Казачество до Петровского разгрома, когда оно было совершенно самостоятельным, ни от кого независимым государством! Отдают ли в этом себе ясный отчет те, которые так часто высказывают свою любовь к „древнему казачьему обыкновению“, добиваются выборного Атамана? И исторически и логически совершенно правы те русские, которые, говорят, что требование выборного Атамана — самостийность, ибо выборные Атаманы у казаков были только тогда, когда они жили самостоятельной государственной жизнью.

В истории Казачества имеются два бесспорных положения: 1) самостоятельное казачье государство с выборным Атаманом во главе и 2) российская провинция с назначенным генерал-губернатором в виде „наказного атамана“. И тот выборный Атаман, который ныне стал бороться против идеи казачьей независимости, яв-

ляет из себя самое величайшее недоразумение, ибо этим самым он говорит, что я — только форма, без всякого исторического содержания!

Нельзя же в самом деле серьезно говорить, тем более „доказывать“, что „древнее казачье обыкновение“ заключается в том маленьком отрезке времени, который исчисляется только девятью годами: с 1709 г., когда казачья государственная независимость была погнута в казачьей крови и последний подлинный казачий Атаман, Булавин, вынужден был застрелиться, по 1718 год, когда выборный Кругом Атаман, Василий Фролов, Петром I был впервые утвержден „впредь до нашего указа беспеременно“. Следующий же за Фроловым выборный Атаман, Краснощеков, и совсем не был утвержден, а на его место, против желания казаков, был назначен первый „наказный атаман“, Андрей Лопатин.

Вот тот маленький отрезок времени, когда выборный казачий Атаман „сочетался“ с утверждением центра, Петербурга, т. е. первый и единственный Атаман выборный казаками, но утвержденный русским царем. До этого — полная независимость Казачества, после этого — столь же полная подчиненность. С этого времени никакого выборного Атамана не было, а существовал „онный чин войскового атамана“, каковым чином (скажем, как чином прапорщика) императрица Анна Иоановна в 1738 году пожаловала Ефремова!

Три образа трех последних атаманов, живших почти в одно и то же время:

1) Кондратий Булавин — бесстрашный поборник идеи казачьей независимости, пламенный защитник исторического права Казачества на самостоятельное государственное существование, „за казачьи вольности, за честь казачью, неподкупную“ живот свой положивший;

2) Василий Фролов, избранный казаками, но, подчиняясь силе Петербурга, примирившись со злом, принявший утверждение и, по указанию Петра, правивший Казачеством;

3) Андрей Лопатин, презревший выборы казаков, принявший прямое назначение и положивший начало эпохи „наказных атаманов“.

Кондратий Булавин — последний из целого ряда выборных, независимых казачьих Атаманов, живой и яркий символ казачьей вольности и свободы;

Андрей Лопатин — первый из целого ряда следовавших затем „наказных атаманов“ — губернаторов над Казачеством, символ смерти казачьей независимости, вольности.

Между этими двумя символическими образами — единственный атаман, Василий Фролов, покорно примирившийся со злом, легко принявший утверждение русского царя. Фролов — символ подавленности казачьего духа, растерянности, беспутности, а, м. б., лести, беспринципного карьеризма.

И вот спрашивается: какой из этих трех казачьих атаманов ныне люб сердцу казака? Говоря о выборном казачьем Атамане, кого из них мы должны иметь в виду?

Ныне, домогаясь жизни „по древнему казачьему обыкновению“ и выборного Атамана, нам, казакам, необходимо дать себе ясный отчет: какого „казачьего обыкновения“ мы желаем — того ли, которое существовало только в течение девяти лет, или того подлинного „казачьего древнего обыкновения“, которое выработывалось на протяжении многих столетий? Хотим ли мы только „оного чина войскового атамана“, или хотим подлинного казачьего Атамана, выборного главы казачьего государства, „как жили наши предки“?

По нашему глубокому убеждению, „казачье древнее обыкновение“, настоящие выборные казачьи Атаманы имеют место только в до-Петровской истории Казачества, именно оттуда веет „древней казачьей стариной“, именно оттуда берет свое начало особое казачье сознание.

А о существовании этого особого казачьего сознания, этого определенного казачьего политического стре-

мления нам единодушно свидетельствуют: вся московская дипломатия XVI и XVII веков, члены свиты наследника русского императора, русские придворные генералы, отдельные русские и иностранные ученые, революционные деятели, казачьи станичные общества, казачьи политические организации, простые казаки и видные казачьи деятели.

В политическое оформление этого особого казачьего сознания, так сказать в „реализацию“ этого исторического казачьего политического стремления глубоко верит и казачий поэт, который в 1918 году пишет:

— „Но все же верил, все же ждал; за дедовский завет и за родной свой угол, за честь казачества взметнет волну наш Дон седой...“

Вскипит, взволнуется и кликнет клич, клич чести и свободы“...

А когда Дон действительно взметнул свою волну, тогда чуткая душа поэта реагировала на это радостными и вдохновенными словами:

— „И взволновался Тихий Дон... Клубится по дорогам пыль, ржут кони, блещут пики...“

Звучат родные песни, серебристый подголосок звенит вдали, как нежная струна...

Звенит, и плачет, и зовет...
То край родной восстал за честь отчизны, за славу дедов и отцов, за свой порог и угол...

Кипит волной, зовет на бой Родимый Дон...
За честь отчизны, за казачье имя кипит, волнуется, шумит седой наш Дон — Родимый Край“.

Этот красивый и богатырский Родимый Край, который в своих недрах хранит глубокую казачью древность, и который вдохновил казачьего поэта написать свою чудную Казачью Песню, ныне так варварски-бесжалостно унижается тем „Родимым Краем“, который здесь издается г. Мельниковым!

Думал ли покойный казачий поэт, пламенный певец казачьей древней вольности, что название его Ро-

димого Края когда либо будет красоваться на обложке жалкого, бесцветного и безличного листка?

Я сейчас заканчиваю свое сообщение, уж чрезмерно затянувшееся. Я, как мог, нарисовал вам казачье прошлое, каким нам рисуют его казачьи историки.

И в этом я нахожу убедительный ответ на вопрос: „Чем было Казачество“?

Чем оно, затем, по воле других, под физическим насилием врагов, стало — это другой вопрос.

Чем оно должно стать снова, если счастье от него окончательно не отвернулось, — это третий вопрос.

Если время и обстоятельство позволят об этом попытаемся поговорить в другой раз.

— „Познай самого себя“ и „Будь самим собою“ — говорит древнее изречение.

А казакам особенно нужно познать самого себя, когда защищать и отстаивать свое право будет легче, а познавать самого себя можно только интересуясь и любовно изучая свое прошлое.

Через познания самого себя — к лучшему своему будущему!

Кто познает казачье прошлое и сумеет освободиться от предвзятого взгляда на Казачество, тот должен проникнуться глубоким уважением к нему, почтительно преклониться перед страдальческой, но величавой историей. Такой человек больше не станет возражать против идеи казачьей независимости, ибо возражать против нее по линии казачьих идеалов, идей, на плоскости исторических фактов невозможно.

